

Традиции и инновации в историческом знании / Traditions and Innovations in Historical Knowledge

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-550](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-550)

EDN: [EMEJUS](https://edn.ru/EMEJUS)

УДК 124.6:008.2:355.123.1

Штурмовик и оператор беспилотных систем в контексте конфликта: традиции и инновации в российской армии будущего

А.Л. Репетенко

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В горизонте 30-40 лет прогнозируется постепенное вытеснение человека из зоны непосредственного боевого контакта вследствие массового внедрения беспилотных систем. Возникает фундаментальное противоречие между фигурой штурмовика – носителя классической воинской традиции, воплощающего боевой опыт, мужество и жертвенность – и фигурой оператора беспилотных систем, олицетворяющего технологическую инновацию, дистанционное поражение и алгоритмическую рациональность. Данное противостояние актуализирует проблему преемственности духовного ядра воинской традиции: чести, коллективизма и героизма.

Цель – выявление и философско-антропологический анализ ценностно-статусного конфликта между штурмовиком и оператором беспилотных систем, а также возможных сценариев сохранения, трансформации или переопределения традиции Российской армии в условиях нарастающей роботизации и изменения субъекта боевых действий.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные публикации по философии войны и этике автономных систем, художественные и кинематографические произведения, а также эмпирические данные современных вооруженных конфликтов. Методологическая основа включает социально-философский, компаративный, антропологический и конфликтологический подходы, а также герменевтический и системно-типологический методы. Конфликтологический подход применяется для анализа противостояния штурмовика и оператора беспилотных систем как ценностно-статусного конфликта с выявлением его источников, динамики и способов управления.

Результаты. Рассмотрены три ключевых сценария эволюции воинской традиции. Сценарий «замещения» предполагает полное вытеснение фигуры штурмовика оператором и, как следствие, эрозию традиционных духовных оснований армии. Сценарий «сосуществования» подразумевает функциональное разделение и параллельное бытование двух этических систем. Сценарий «синтеза» описывает формирование гибридной фигуры «оператор-штурмовик», сочетающей технологическую компетентность с боевой психологией. Обоснован вывод о том, что наиболее вероятным и сбалансированным является сценарий сосуществования с элементами синтеза, при котором воинская традиция не уничтожается, а подвергается переопределению и адаптации к новым технологическим условиям.

Ключевые слова: штурмовик; оператор беспилотных систем; традиция; преемственность; инновация; российская армия; философия войны; антропологический сдвиг

Для цитирования. Репетенко, А. Л. (2026). Штурмовик и оператор беспилотных систем в контексте конфликта: традиции и инновации в российской армии будущего. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 45–65. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-550>

The stormtrooper and unmanned systems operator in the context of the conflict: tradition and innovation in the Russian Army of the future

A.L. Repetenko

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. In a horizon of 30-40 years, the gradual displacement of the human from the zone of direct combat contact is predicted due to the mass introduction of unmanned systems. A fundamental contradiction arises between the figure of the stormtrooper – the bearer of classical military tradition, embodying combat experience, courage, and self-sacrifice – and the figure of the unmanned systems operator, embodying technological innovation, remote engagement, and algorithmic rationality. This confrontation actualizes the problem of continuity of the spiritual core of the military tradition: honor, collectivism, and heroism.

Purpose. Identifying and providing a philosophical-anthropological analysis of the value-status conflict between the stormtrooper and unmanned systems operator, as well as possible scenarios for the preservation, transformation, or redefinition of the military tradition of the Russian Army under conditions of increasing robotization and the changing subject of combat operations.

Materials and methods. The research materials include scientific publications on the philosophy of war and the ethics of autonomous systems, works of fiction and cinema, as well as empirical data from contemporary armed conflicts. The methodological framework comprises socio-philosophical, comparative, anthropological, and conflictological approaches, together with hermeneutic and system-typological methods. The conflictological approach is used to analyze the confrontation between the stormtrooper and unmanned systems operator as a value-status conflict, identifying its sources, dynamics, and possible ways of management».

Results. Three key scenarios for the evolution of military tradition are examined. The «replacement» scenario implies the complete displacement of the stormtrooper by the operator and, consequently, the erosion of the traditional spiritual foundations of the army. The «coexistence» scenario implies functional separation and the parallel existence of two ethical systems. The «synthesis» scenario describes the formation of a hybrid figure of the «operator-stormtrooper», combining technological competence with combat psychology. The conclusion is substantiated that the most probable and balanced scenario is coexistence with elements of synthesis, in which military tradition is not destroyed but is subjected to redefinition and adaptation to new technological conditions.

Keywords: stormtrooper; unmanned systems operator; tradition; continuity; innovation; Russian Army; philosophy of war; anthropological shift

For citation. Repetenko, A. L. (2026). The stormtrooper and unmanned systems operator in the context of the conflict: tradition and innovation in the Russian Army of the future. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 45–65. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-550>

Введение

За последние десятилетия военные технологии сильно шагнули вперед. В настоящее время беспилотные системы применяются практически повсеместно, охватывая как разведывательные задачи, так и нанесение ударов по тыловым объектам противника. Как отмечают аналитики, в современных вооруженных конфликтах на беспилотные аппараты может приходиться до 80% огневых задач [12]. Еще сравнительно недавно дроны выполняли преимущественно функции наблюдения и подсветки целей, тогда как сегодня они самостоятельно осуществляют поражение и способны существенно влиять на ход боевых действий. Военные эксперты, как правило, усматривают в этом очевидные преимущества, а именно возможность сокращения потерь, повышения точности стрельбы и более эффективного управле-

ния войсками. Достоинства беспилотных систем в настоящее время уже не вызывают сомнений и признаны в самых различных сферах.

Вместе с тем, чем глубже беспилотные технологии проникают в военное дело, тем отчетливее проявляются последствия, о которых на начальном этапе почти не велось речи. И ограничиваться лишь техническими аспектами, такими как помехи, степень автономности или энергообеспечение, было бы поверхностно. На передний план выходят иные, гораздо более глубокие вопросы, касающиеся человека, его ценностей, и внутреннего мира военнослужащего. Дистанционное насилие с использованием дронов «отменяет необходимость смертельного риска для его агентов», в результате чего «расщепляется двойственная идентичность бойца (убивающий-убиваемый)», поскольку «пилот, управляющий дроном, не может быть лишен жизни» [2, с. 120]. Воин все чаще оказывается не в зоне боевого контакта, а перед экраном. Он не идет под пули, он наблюдает за полем боя с безопасного расстояния. И это ставит под вопрос самые привычные и фундаментальные основы воинской службы: честь, товарищество, героизм, готовность отдать жизнь за других.

Особую остроту эта проблема приобретает для традиционной армии, которой является Российская армия, где традиция веками формировалась вокруг фигуры бойца, лично отвечающего за применение насилия, делящего риск с товарищами и черпающего легитимность в жертвенном служении Отечеству. Сегодня эта традиция сталкивается с вызовом, какого история еще не знала. Меняется не просто оружие и тактика. Меняется антропологический тип воина. Как показано в работе А.А. Казакова и С.С. Черных, даже с внедрением систем дистанционного боя и искусственного интеллекта, «живой человек продолжает оставаться практически незаменимым субъектом проведения наиболее эффективных военных операций» [6, с. 235]. Однако авторы фиксируют и фундаментальный сдвиг: внедрение беспилотных систем «влияет на серьезную профессиональную диверсификацию внутри самого воинского этоса», формируя «особый тип операторов БПЛА» [6, с. 239], что свидетельствует о трансформации самой структуры воинской идентичности.

В данной статье мы не рассматриваем технологический прогресс как фатальную угрозу для воинской традиции. История показывает, что армии умеют перестраивать свои ценности и привычки под влиянием нового оружия. Вспомним хотя бы, как рыцарская конница уступила место пехоте с огнестрельным оружием, а потом появились танки и авиация. Как отмечает М. ван Кревельд, технологические изменения каждый раз трансформировали не только оружие, но и саму структуру войны, переопределяя роль человека на поле боя [10, с. 306-317]. Однако перемены, которые ожидаются в ближайшие десятилетия, происходят слишком быстро и основательно. Поэтому осмысливать эти перемены необходимо уже сегодня, и предпочтительно на философском уровне. Какие сценарии соотношения между штурмовиком и оператором беспилотных систем возможны? При каком из них аксиологическая основа воинской традиции, включающая честь, коллективизм и готовность отвечать за применение силы, сохранится, переопределившись, а при каком – разрушится или превратится в декорацию? Ответы на эти вопросы важны не только для академической рефлексии, но и для практики воспитания и подготовки армии будущего.

Методологические основания

Обращение к проблеме преемственности воинской традиции в условиях стремительной технологизации военного дела предполагает, как представляется, необходимость предварительной рефлексии относительно того, какими средствами эта проблема может быть адекватно схвачена и проанализирована. Как справедливо отмечает О.В. Шевченко, «социально-философское исследование духовных традиций общества и армии определяется конструктивными методологическими основами, подходами и принципами, которые позволяют адекватно рассмотреть этот идеальный социокультурный феномен» [17, с. 10]. Исследовательский инструментарий, который был бы в достаточной мере адекватен поставленной задаче, должен, с одной стороны, учитывать инерционность и ценностную насыщенность самого феномена воинской традиции,

а с другой – фиксировать те качественные сдвиги, которые вносятся внедрением беспилотных систем и алгоритмических режимов принятия решений. В связи с этим в данном разделе мы полагаем необходимым эксплицировать основные методологические опоры, на которых базируется последующий анализ, а также предложить типологию возможных сценариев соотношения двух антропологических фигур – штурмовика и оператора беспилотных систем.

Одной из основных методологических рамок для анализа трансформации воинского этоса является концепция «моральной симметрии», развиваемая в работах оксфордского философа М. Таддео. Согласно ее подходу, классическая война, восходящая к кантовской традиции, мыслилась как дуэль, в которой доблесть солдата заключалась в готовности разделить с врагом опасность, а сама война была уравновешена взаимным риском для ее участников. И. Кант еще в XVIII веке критиковал профессиональные армии за то, что они превращают людей в «машины или орудия» для убийств [7, с. 8]. Таддео и Бланшар подчеркивают, что «только люди несут моральную ответственность за действия автономных систем вооружения, поскольку намерения, планы, права и обязанности, похвала или наказание могут осмысленно приписываться только человеку» [22, р. 4]. Именно эта неотчуждаемая ответственность и составляла ядро «моральной симметрии»: воин отвечал за свои действия перед совестью, товарищами и Богом, потому что сам рисковал жизнью. У операторов дронов, как отмечает Таддео, эта балансировка исчезает: дистанционное управление разрушает взаимность риска, порождая «эффект видеоигры» и моральное отчуждение, которое ведет к дегуманизации противника и снижению психологического порога применения силы. Феномен «банального зла», описанный Х. Арендт применительно к бюрократическому исполнению приказов, сегодня воспроизводится в действиях оператора дрона, который нажимает кнопку, не осознавая последствий [1, с. 319], а опосредованное восприятие войны через оптические приборы ведет к утрате непосредственного морального переживания [5, с. 28-30]. Данная концепция задает вектор для анализа того, как традицион-

ные ценности вытесняются или переопределяются под давлением технологической рациональности. Развивая идеи М. Фуко о паноптиконе как модели власти, можно утверждать, что дроны становятся инструментом «текучего» надзора, где наблюдение и уничтожение сливаются воедино [14, с. 292-299].

Второй важной методологической опорой выступают исследования, посвященные механизмам этического регулирования военной робототехники. На горизонте 30-40 лет, когда беспилотные системы достигнут высокой степени автономности, приближаясь к классу полностью автономных летальных вооружений, проблемы, обсуждаемые в этих исследованиях, станут непосредственно актуальными для фигуры оператора, который из непосредственного управляющего превратится в менеджера, делегирующего тактические решения алгоритмам. Д.С. Кийко, анализируя ключевые термины (автономные системы вооружений, военный искусственный интеллект), подчеркивает, что «проблема заключается в том, что автономные системы принимают решения без непосредственного участия человека, что усложняет определение субъекта ответственности за возможные правонарушения, а единые подходы к правовому регулированию систем ИИ на сегодняшний день отсутствуют» [8, с. 148]. Отсутствие четких механизмов контроля и распределения ответственности создает моральные и правовые риски, требующие комплексного подхода и международного диалога для выработки унифицированных стандартов. В этой перспективе проблема легитимности применения силы и атрибуции ответственности за военные преступления приобретает новое измерение, не предусмотренное классическими доктринами.

С позиций деонтологической этики эту коллизию анализирует К. Мартынов, рассматривая ее как фундаментальный вызов классическим представлениям о субъекте и ответственности. На том же горизонте лет, когда автономные системы станут способны самостоятельно действовать на поле боя, их появление, по мысли философа, станет неизбежным этапом развития современной войны, поскольку они способны дать критическое преимущество одной

из сторон конфликта. Однако именно этот этап, по мысли Мартынова, подводит к необходимости принципиально нового осмысления моральных категорий войны. Как подчеркивает исследователь, «ключевая особенность военных роботов заключается именно в их автономности и при этом исключенности из «морального сообщества». Когда из войны исключаются люди, она дегуманизируется в моральном отношении: разрывается связь между субъектом морального выбора и тем миром, в отношении которого моральный выбор совершается» [11, с. 242-243]. Этот тезис задает деонтологическую рамку для анализа границ допустимого делегирования машинам права на применение силы.

На основе эксплицированных подходов мы предлагаем анализировать будущее соотношение фигур штурмовика и оператора беспилотных систем через три идеальных типа сценариев. Первый – замещение, при котором оператор полностью вытесняет штурмовика с поля боя, а традиция либо деградирует до музейного состояния, либо сохраняется только в ритуальных подразделениях, не имеющих отношения к реальной боевой работе. Второй – сосуществование, предполагающее разделение труда и субкультур: беспилотные системы доминируют на дальних дистанциях и в разведке, штурмовики сохраняются для зачистки, удержания, ближнего боя, работы в условиях полного подавления связи и РЭБ. Третий – синтез, ведущий к формированию гибридной фигуры «оператор-штурмовик», сочетающего управление дронами и ведение ближнего боя. Традиция в этом случае переопределяется: героизм – это способность переключаться между интерфейсом и физическим боем, сохраняя моральную целостность и коллективную ответственность. «В институциональной структуре наблюдается изменение привычных механизмов власти и управления, вызванное интеграцией цифровых платформ в социальную жизнедеятельность. В связи с происходящими изменениями формируются новые профессиональные роли» [9, с. 59], что напрямую соотносится с появлением фигуры «оператор-штурмовик». В свою очередь, Н.А. Балаклеец, анализируя войну с использованием дронов, вводит понятие «расколотов

идентичности» комбатантов, которая возникает в условиях асимметрии и отсутствия непосредственного физического контакта, что помогает понять потенциальный ценностный конфликт между оператором и штурмовиком при сценарии сосуществования [2, с. 116]. Предложенная типология не является жесткой и допускает переходные формы; ее эвристическая ценность состоит в возможности системно сопоставить антропологические, ценностные и технологические параметры каждого сценария.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ фигур штурмовика и оператора беспилотных систем, а также рассмотрение трех сценариев их будущего соотношения позволяют сформулировать ряд выводов, требующих, однако, не простой констатации, а развернутого обсуждения в контексте более широких культурных, антропологических и этических процессов. Представленные ниже результаты не являются окончательными истинами; скорее, они призваны обозначить проблемное поле, в котором сегодня необходимо принимать решения о будущем воинской традиции.

По нашему мнению, самое существенное заключается в том, что широкое применение беспилотных систем и постепенная передача решений боевым алгоритмам [19, p. 127-143] порождают качественный разрыв в понимании человеческого участия в войне. Его невозможно ликвидировать одними лишь тактическими приемами или перестройкой организационной структуры. Разрыв имеет две стороны. С одной стороны, оператор беспилотных систем оказывается исключен из классического контура «риск – жертва – честь», что, как показано М. Таддео, разрушает «моральную симметрию» войны. С другой – штурмовик, который по-прежнему готов рисковать собой и жертвовать жизнью, постепенно отодвигается на второй план. Из того, кто приносит победу, он превращается в «расходник» на фоне точных ударов с большого расстояния. Сегодня этот разрыв заметен не только в научных текстах, но и в искусстве. Художники, писатели, режиссеры часто чувствуют такие вещи раньше фило-

софов. Возьмем два примера, которые хорошо показывают, в чем состоит противостояние штурмовика и оператора.

Первый эпизод – из романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Механический пес там служит и для поиска, и для уничтожения:

«Механический пес спал и в то же время бодрствовал, жил и в то же время был мертв в своей мягко гудящей, мягко вибрирующей, слабо освещенной конуре в конце темного коридора пожарной станции. <...>

По ночам, когда становилось скучно, – а это бывало каждую ночь, пожарники спускались вниз по медным шестам и, настроив тикающий механизм обонятельной системы пса на определенный запах, пускали в подвал крыс, цыплят, а иногда кошек, которых все равно предстояло утопить. Держали пари, которую из жертв пес схватит первой.

Через несколько секунд игра заканчивалась. Цыпленок, кошка или крыса, не успев пробежать и несколько метров, оказывались в мягких лапах пса, и четырехдюймовая стальная игла, высунувшись, словно жало, из его морды, впрыскивала жертве изрядную дозу морфия, или прокаина. Затем убитого зверька бросали в печь для сжигания мусора, и игра начиналась снова» [4, с. 37-38].

В этом образе – предчувствие той самой автономной системы, которая действует без морального выбора, без сострадания, без страха. Брэдбери подчеркивает, что изначально механические гончие были полезным изобретением – они находили раненых, помогали в спасательных работах. Но со временем они превратились в оружие тирании. Не напоминает ли это путь боевых дронов, которые начинались как разведывательные аппараты, а сегодня уже самостоятельно наносят удары?

Второй эпизод – рассказ того же автора «Гонец». Здесь живая собака предстает как друг, помощник, проводник, связующее звено между прикованным к постели мальчиком и миром природы:

«Пес радостно вертелся около кровати, стряхивая на одеяло свою драгоценную добычу – хрупкие сухие листья папоротника, веточку ежевики, тоненькие травинки болотного мха». <...>

– Хватит, дружище, хватит!

Пес примостился ближе к теплому телу мальчика, отдавая ему собранные неповторимые запахи осени, ее голых полей, тяжелых туманов и аромат увядающих лесов. Весной шерсть пса пахнет расцветшей сиренью, ирисом и свежескошенной лужайкой, летом – фисташковым мороженым, каруселями и первым загаром. Но осень!

– Скажи, дружище, как там на воле?

И пес рассказывал, а прикованный к постели мальчик слушал и вспоминал, какой бывала осень, когда он сам ее встречал. Теперь его связным, его гонцом на волю стал пес. Он был частью его самого, той ловкой и быстрой его частью, которую он посылал познать внешний мир, мир вещей и быстротечного времени. Пес вместо него бегал по улицам городка и его окрестностям, к реке, озеру или ручью, или же совсем поблизости – в деревянной сарай, кладовую или на чердак. И неизменно возвращался с подарками. Иногда это были запахи подсолнечника, гаревой дорожки школьного двора или же молочая с лугов, а то свежееочищенных каштанов, перезревшей, забытой на огороде тыквы. Пес везде успевал побывать» [3].

Живая собака олицетворяет эмпатию, заботу, разделенное переживание. Но и здесь не обходится без двойственности: в финале пес оказывается проводником между мирами живых и мертвых. Тем не менее, в отличие от механического пса, живая собака сохраняет способность к подлинному соучастию, к той самой «моральной симметрии», которую Таддео считает утраченной в дистанционной войне.

Эти две литературные репрезентации – механический пес и живой пес – могут служить метафорами оператора и штурмовика. Оператор подобен механическому псу: он эффективен, точен, безжалостен, но его действия отчуждены от морального переживания. Штурмовик подобен живому псу: он рискует, он чувствует страх и боль, он действует в соприсутствии с товарищами, но он уязвим и, возможно, обречен на исчезновение. Искусство, как это часто бывает, зафиксировало проблему раньше, чем философия и военная наука.

Мы попытались оценить нынешние тренды и то, что уже случилось в истории. Похоже, что самый реальный сценарий – это существование штурмовика и оператора беспилотных систем. В специальной военной операции это хорошо видно. Дроны, бесспорно, главенствуют в разведке, в ударах по дальним целям, в борьбе с ПВО. Однако финальная зачистка, удержание позиций, работа в условиях сильного радиоэлектронного подавления и бои в городе – все это по-прежнему ложится на плечи штурмовика.

Теоретически этот сценарий обосновывается консервативным характером воинского этоса. Как показали А.А. Казаков и С.С. Черных, «инновации в сфере военного дела в целом не способны привести к деструкции воинского этоса, в рамках которого культивируются традиционные армейские добродетели» [6, с. 237]. Воинская традиция обладает высокой степенью инерции; она не отказывается от своих ценностей, а скорее переопределяет их применительно к новым технологическим условиям. Оператор беспилотных систем, каким бы привилегированным он ни был, не может полностью заменить штурмовика, поскольку война в ее финальной, «экзистенциальной» фазе требует не просто уничтожения целей, а физического контроля над территорией и людьми.

Однако сценарий сосуществования несет в себе внутренние противоречия. Одно из них – проблема иерархии и статуса. Оператор беспилотных систем, находясь в относительной безопасности, получает возможность наносить удары, не рискуя жизнью, что неизбежно порождает *resentment* со стороны штурмовиков, которые «идут в мясо». В этом смысле возникает новая форма военного неравенства, которую можно назвать «распределением риска по статусу». Если раньше командир разделял риск с подчиненными (хотя бы символически), то теперь оператор отделен от штурмовика не только функционально, но и онтологически: один – «игрок» за пультом, другой – «расходник» на земле.

Сценарий синтеза, предполагающий формирование гибридной фигуры «оператор-штурмовик», представляется наиболее привлекательным с точки зрения сохранения духовного ядра воинской

традиции, но одновременно и наиболее сложным для реализации. Его осуществление требует не только технологической интеграции (экзоскелеты, приданные микродроны, носимые системы РЭБ), но и глубокой культурной трансформации. Гибридный воин должен сочетать в себе хладнокровие оператора и мужество штурмовика, техническую грамотность и моральную стойкость, способность к алгоритмическому мышлению и готовность к телесному риску. Возможно ли это в принципе?

Здесь уместно обратиться к кинематографическому образу, который, на наш взгляд, иллюстрирует внутреннюю антиномичность синтеза. В фильме Г. Худа «Всевидящее око» [16] группа операторов дронов, находясь за тысячи километров от зоны боевых действий, наблюдает за целями через экраны мониторов. Фильм сталкивает их с классической этической дилеммой: нанести удар по укрытию террористов, когда рядом оказывается маленькая девочка, или отказаться от удара, рискуя жизнями десятков людей при готовящемся теракте. Операторы вынуждены принимать решение, не чувствуя запаха пороха, не слыша криков, не видя лиц жертв, – их противник превращается в пиксель на экране, а последствия удара они оценивают через объектив камеры. Именно этот разрыв между дистанцией и ответственностью, между виртуальным образом и реальной смертью, составляет суть моральной травмы оператора БпЛА. Фильм показывает, как технологическое посредничество трансформирует восприятие войны: решение об убийстве становится результатом бюрократической процедуры, а не личного выбора воина. Не является ли этот сюжет метафорой того пути, который предстоит пройти оператору БпЛА, чтобы стать не просто эффективным исполнителем, а воином в традиционном смысле? Возможно, синтез невозможен без восстановления той самой «моральной симметрии», о которой говорит Таддео, – без готовности оператора разделить риск, без признания того, что его противник – не пиксель на экране, а живой человек.

С деонтологической точки зрения, синтез наталкивается на фундаментальное ограничение. Даже если гибридный воин сохраня-

ет формальный контроль над беспилотными системами, сам факт переключения между дистанционным управлением (интерфейс, алгоритмы, отсутствие телесного риска) и непосредственным рукопашным боем (телесность, смертельный риск, прямое моральное переживание) создает угрозу «расщепления» морального сознания. Как отмечает О.В. Тиханычев, анализируя морально-этические проблемы применения боевых роботов, «при появлении ошибок применения робототехнических систем возникает вопрос, которого не было для «обычной» боевой и специальной техники, кто виноват в них: пользователь системы, который поставил некорректную задачу или разработчик, создавший систему, неверно эту задачу интерпретировавшую?» [13, с. 67]. Так, чтобы преодолеть «ответственный разрыв» при привлечении вреда автономными системами западные исследователи предлагают новую категорию – «военный деликт» [20, р. 1360-1365]. Эта коллизия напрямую перекликается с проблемой «расщепления» ответственности у гибридного воина, который одновременно выступает и как пользователь (оператор беспилотных систем), и как непосредственный исполнитель (штурмовик). Если гибридный воин будет лишь оператором, управляющим роем, а затем входящим в бой, он рискует остаться «расщепленным»: его моральное сознание не успеет переключиться между интерфейсом и штыком. Синтез требует не просто технической сноровки, а формирования целостной личности, для которой управление дроном и рукопашная схватка – две стороны одного и того же этического выбора.

Заключение

Будущее, вопреки укоренившейся в обыденном сознании вере в его внезапность, не наступает в одночасье – оно прорастает в настоящем через конфликты ценностей, которые на поверхностный взгляд могут показаться локальными или сугубо техническими. Противопоставление штурмовика и оператора беспилотных систем являет собой не столько спор о тактической эффективности или о переделе функций на поле боя, сколько столкновение двух антро-

пологических реальностей. Одна из них, уходящая корнями в толщу воинской традиции, зиждется на телесном риске, коллективной жертве и личной чести. Другая, напротив, выстраивается на дистанции, алгоритмической рациональности и безусловном приоритете безопасности. Война, которая на протяжении столетий выступала предельным испытанием человеческого духа, рискует под влиянием этих сдвигов превратиться в технологическую процедуру, где человек из субъекта насилия становится его менеджером, а затем и вовсе – сторонним зрителем.

В этой связи следует обратиться к трем возможным сценариям развития событий – замещению, сосуществованию и синтезу, – которые задают необходимые координаты для осмысления обозначенной проблематики. Наиболее вероятным, как показывает анализ текущих трендов и исторических прецедентов, представляется сценарий сосуществования. При таком развитии штурмовик сохраняется для зачистки, удержания территории и работы в условиях подавленной связи, тогда как оператор закрепляет за собой господство в разведке и дистанционном поражении. Однако подобное сосуществование, при всей его прагматической привлекательности, чревато глухим недовольством – тем самым резентиментом, который неизбежно возникает в ситуации, когда одни идут в «мясо», а другие остаются в безопасности за пультом. Статусное неравенство и онтологический разрыв между «игроком» и «расходником» способны, по всей видимости, подорвать воинское братство изнутри, создавая предпосылки для ценностного раскола армии.

Иначе обстоит дело со сценарием синтеза, то есть формирования гибридного воина, способного переключаться между интерфейсом и штыком. Этот путь, оставаясь желательным с точки зрения сохранения духовного ядра воинской традиции, вместе с тем оказывается труднодостижимым идеалом. Он требует не просто технической подготовки, но целостности морального сознания, которое не расщепляется между двумя режимами действия. Вопрос об ответственности за ошибку – программист, командир или сама машина – в случае гибридного воина превращается во внутреннюю коллизию,

не имеющую готового разрешения. Синтез невозможен без восстановления того, что в современной этике войны принято именовать моральной симметрией, а именно – без готовности разделить риск и признать в противнике не пиксель на экране, а живого человека.

Что касается сценария замещения, предполагающего полное вытеснение штурмовика оператором, а затем и алгоритмом, то он ведет к дегуманизации войны в самом опасном смысле этого слова. Полностью автономные системы вооружения не могут быть морально оправданы, поскольку они устраняют человеческую ответственность за акты насилия и создают недопустимую асимметрию между атакующим и жертвой [18, р. 695]. Когда из боя исключаются люди, разрывается связь между моральным выбором и миром, в отношении которого этот выбор совершается. В свете этого, теряет смысл и главное положение справедливой войны, которое утверждает, что «война – это все еще, каким-то образом, деятельность, управляемая правилами, мир дозволений и запретов – моральный мир, стало быть в аду» [23, р. 36]. Армия в таком случае превращается в технокорпорацию – безусловно эффективную, однако лишенную сакрального измерения служения. Традиция при подобном раскладе не умирает, но превращается в музейный экспонат. Ее почитают, но не живут ею, и в этом, пожалуй, заключается наиболее тревожный исход для преемственности воинского этоса.

Исторический опыт действительно дает основания для осторожного оптимизма. Воинская традиция пережила и огнестрельное оружие, и танки, и авиацию. Тем не менее темп нынешних изменений несопоставимо выше, а антропологический сдвиг, вызванный внедрением беспилотных систем, оказывается качественно значительнее всего, с чем армия сталкивалась в предыдущие эпохи. Поэтому главная задача сегодня заключается не в том, чтобы тормозить технологическое развитие, а в том, чтобы сознательно сопровождать его новыми ритуалами, символами и этическими нормами. Нужна новая культура, в которой управление дроном не будет восприниматься как «нечестная игра», а штурмовик – как обреченное сословие. Значит, требуется иное понимание героизма. Он заключается

не только в самопожертвовании, но и в способности не поддаваться алгоритму, который предлагает пусть и единственное, однако неверное решение. Именно в этой точке, на пересечении технологической необходимости и ценностного выбора, и пролегает подлинное пространство сохранения традиции в армии будущего.

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью использования его результатов в нескольких направлениях. В сфере военной педагогики и воспитательной работы выводы о ценностно-статусном конфликте между штурмовиком и оператором беспилотных систем позволяют разрабатывать методики снижения резинтимента и формирования общности воинского братства. В области военного образования материалы статьи могут быть включены в курсы по военной психологии и этике. Однако основной вывод выходит за рамки перечисленных прикладных аспектов.

Ответ на вызов, стоящий перед воинской традицией, лежит не в плоскости технологий. Он лежит в плоскости ценностей, воспитания и того, как мы понимаем самого человека. Технологическое развитие не может и не должно быть остановлено, передача системам вооружения права принимать решения, сопряженные с риском для жизни, бросает фундаментальный вызов устоям безопасности и самому пониманию человеческой ответственности [21, р. 15-20]. Как предупреждал М. Хайдеггер, в эпоху господства техники человек рискует превратиться в «поставителя наличности», воспринимая самого себя «уже просто как нечто состоящее в наличности» [15, с. 233]. Российская армия будущего – это не выбор между штурмовиком и оператором. Это выбор между тем, останется ли воин воином или превратится в оператора технической системы. И от этого выбора зависит не только боеспособность, но и то, узнает ли солдат середины XXI века себя в суворовских чудо-богатырях, в героях Севастополя и Сталинграда – в тех, кто шел в атаку, не прячась за экраном.

Список литературы

1. Арендт, Х. (2008). *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. Москва: Европа. 424 с. ISBN: 978-5-9739-0162-2. EDN: <https://elibrary.ru/QOJJAV>

2. Балаклеец, Н. А. (2021). Специфика и акторы войны с использованием дронов. *Общественные науки и современность*, (5), 116–128. <https://doi.org/10.31857/S086904990015733-8>. EDN: <https://elibrary.ru/IVSRRV>
3. Брэдбери, Р. (1947). *Гонец*. RayBradbury.ru. <https://raybradbury.ru/library/story/47/7/1>
4. Брэдбери, Р. (1965). *451 градус по Фаренгейту: рассказы*. Москва: Молодая гвардия. 352 с.
5. Вирильо, П. (2004). *Машина зрения*. Санкт-Петербург: Наука. 140 с.
6. Казаков, А. А., & Черных, С. С. (2022). Воинский этос в контексте влияния технологических инноваций: философско-антропологические аспекты. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 15(5), 233–242. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-233-242>. EDN: <https://elibrary.ru/LFWFQR>
7. Кант, И. (1994). *К вечному миру. Сочинения*, (7). Москва: Чоро. 495 с.
8. Кийко, Д. С. (2025). Основные механизмы этического регулирования военной робототехники. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 167(1), 139–157. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.139-157>. EDN: <https://elibrary.ru/OUKSRT>
9. Ковалев, А. А. (2025). Внедрение автономных цифровых платформ в военной сфере: социальное и институциональное измерения. *Управленческое консультирование*, (5), 51–64. EDN: <https://elibrary.ru/GKHLKY>
10. Кревельд, М. ван. (2005). *Трансформация войны*. Москва: Альпина Бизнес Букс. 344 с.
11. Мартынов, К. (2019). Этика автономных машин: деонтология и военные роботы. *Логос*, 29(3), 231–246. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-3-231-244>. EDN: <https://elibrary.ru/TXAZDE>
12. Решают 80 % огневых задач: как войска беспилотных систем навсегда изменили СВО. (2025). URA.ru. <https://ura.news/amp-news/1053053123>
13. Тиханычев, О. В. (2018). Еще раз о некоторых проблемах применения боевых робототехнических систем. *Вопросы безопасности*, (5), 63–72. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2018.5.25937>. EDN: <https://elibrary.ru/YLWLIL>
14. Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem. 479 с.
15. Хайдеггер, М. (1993). *Время и бытие: статьи и выступления*. Москва: Республика. 447 с.
16. Худ, Г. (Режиссер). (2015). *Всевидящее око* [Фильм]. Raindos Films, Entertainment One. <https://yandex.ru/video/preview/7603614582534473210>
17. Шевченко, О. В. (2010). К методологии исследования духовных традиций современного российского общества и армии. *Вестник Военного университета*, 1(21), 10–14. EDN: <https://elibrary.ru/MLZRMH>

18. Asaro, P. (2012). On banning autonomous weapon systems: Human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making. *International Review of Red Cross*, 94(886), 687–709. <https://doi.org/10.1017/S1816383112000768>
19. Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, dangers, strategies*. Oxford: Oxford University Press. 328 p.
20. Crootof, R. (2016). War torts: Accountability for autonomous weapons. *University of Pennsylvania Law Review*, 164(3), 1347–1402.
21. Kissinger, H., Schmidt, E., & Huttenlocher, D. (2021). *The age of AI: And our human future*. New York: Little, Brown and Company. 254 p.
22. Taddeo, M., & Blanchard, A. (2022). Accepting moral responsibility for the actions of autonomous weapons systems — a moral gambit. *Philosophy & Technology*, 35(3), 1–24. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00571-x>. EDN: <https://elibrary.ru/MQDHNM>
23. Walzer, M. (1977). *Just and unjust wars: A mortal argument with historical illustrations*. New York: Basic Books. 360 p.

References

1. Arendt, H. (2008). *The banality of evil: Eichmann in Jerusalem*. Moscow: Europa. 424 p. ISBN: 978-5-9739-0162-2. EDN: <https://elibrary.ru/QOJJAV>
2. Balakleets, N. A. (2021). The specifics and actors of war using drones. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, (5), 116–128. <https://doi.org/10.31857/S086904990015733-8>. EDN: <https://elibrary.ru/IVSRRV>
3. Bradbury, R. (1947). *The messenger*. RayBradbury.ru. <https://raybradbury.ru/library/story/47/7/1>
4. Bradbury, R. (1965). *Fahrenheit 451 and other stories*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 352 p.
5. Virilio, P. (2004). *The optics of the city*. Saint Petersburg: Nauka. 140 pp.
6. Kazakov, A. A., & Chernykh, S. S. (2022). The military ethos in the context of the impact of technological innovations: Philosophical and anthropological aspects. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(5), 233–242. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-233-242>. EDN: <https://elibrary.ru/LWFWQR>
7. Kant, I. (1994). *Perpetual peace*. In *Collected works* (Vol. 7). Moscow: Choro. 495 p.
8. Kiyko, D. S. (2025). The main mechanisms of ethical regulation of military robotics. *Proceedings of Kazan University. Series: Humanities*, 167(1), 139–157. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.139-157>. EDN: <https://elibrary.ru/OUKSRT>
9. Kovalev, A. A. (2025). Implementation of autonomous digital platforms in the military sphere: Social and institutional dimensions. *Management Consulting*, (5), 51–64. EDN: <https://elibrary.ru/GKHLKY>

10. Van Creveld, M. (2005). *The transformation of war*. Moscow: Alpina Business Books. 344 p.
11. Martynov, K. (2019). The ethics of autonomous machines: Deontology and military robots. *Logos*, 29(3), 231–246. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-3-231-244>. EDN: <https://elibrary.ru/TXAZDE>
12. 80 % of fire missions are carried out: How unmanned systems troops have forever changed the SVO. (2025). URA.ru. <https://ura.news/amp-news/1053053123>
13. Tikhanychev, O. V. (2018). Once again on some problems of using combat robotic systems. *Security Issues*, (5), 63–72. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2018.5.25937>. EDN: <https://elibrary.ru/YLWLIL>
14. Foucault, M. (1999). *Discipline and punish: The birth of the prison*. Moscow: Ad Marginem. 479 p.
15. Heidegger, M. (1993). *Time and being: Articles and speeches*. Moscow: Respublika. 447 p.
16. Hood, G. (Director). (2015). *Eye in the sky* [Film]. Raindos Films, Entertainment One. <https://yandex.ru/video/preview/7603614582534473210>
17. Shevchenko, O. V. (2010). On the methodology for studying the spiritual traditions of modern Russian society and the army. *Bulletin of the Military University*, 1(21), 10–14. EDN: <https://elibrary.ru/MLZRMH>
18. Asaro, P. (2012). On banning autonomous weapon systems: Human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making. *International Review of the Red Cross*, 94(886), 687–709. <https://doi.org/10.1017/S1816383112000768>
19. Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, dangers, strategies*. Oxford: Oxford University Press. 328 p.
20. Crotoft, R. (2016). War torts: Accountability for autonomous weapons. *University of Pennsylvania Law Review*, 164(3), 1347–1402.
21. Kissinger, H., Schmidt, E., & Huttenlocher, D. (2021). *The age of AI: And our human future*. New York: Little, Brown and Company. 254 p.
22. Taddeo, M., & Blanchard, A. (2022). Accepting moral responsibility for the actions of autonomous weapons systems – a moral gambit. *Philosophy & Technology*, 35(3), 1–24. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00571-x>. EDN: <https://elibrary.ru/MQDHNM>
23. Walzer, M. (1977). *Just and unjust wars: A moral argument with historical illustrations*. New York: Basic Books. 360 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Репетенко Александр Леонидович, аспирант

Московский городской педагогический университет

Сельскохозяйственный пр-д, 4, г. Москва, 129226, Российская Федерация

xarn-ray@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alexandr L. Repetenko, Postgraduate Student

Moscow State Pedagogical University

4, Selskokhozyastvenny Pr., Moscow, 129226, Russian Federation

xarn-ray@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3308-2041>

ResearcherID: PUF-5701-2026

Поступила 11.04.2026

После рецензирования 13.05.2026

Принята 15.05.2026

Received 11.04.2026

Revised 13.05.2026

Accepted 15.05.2026